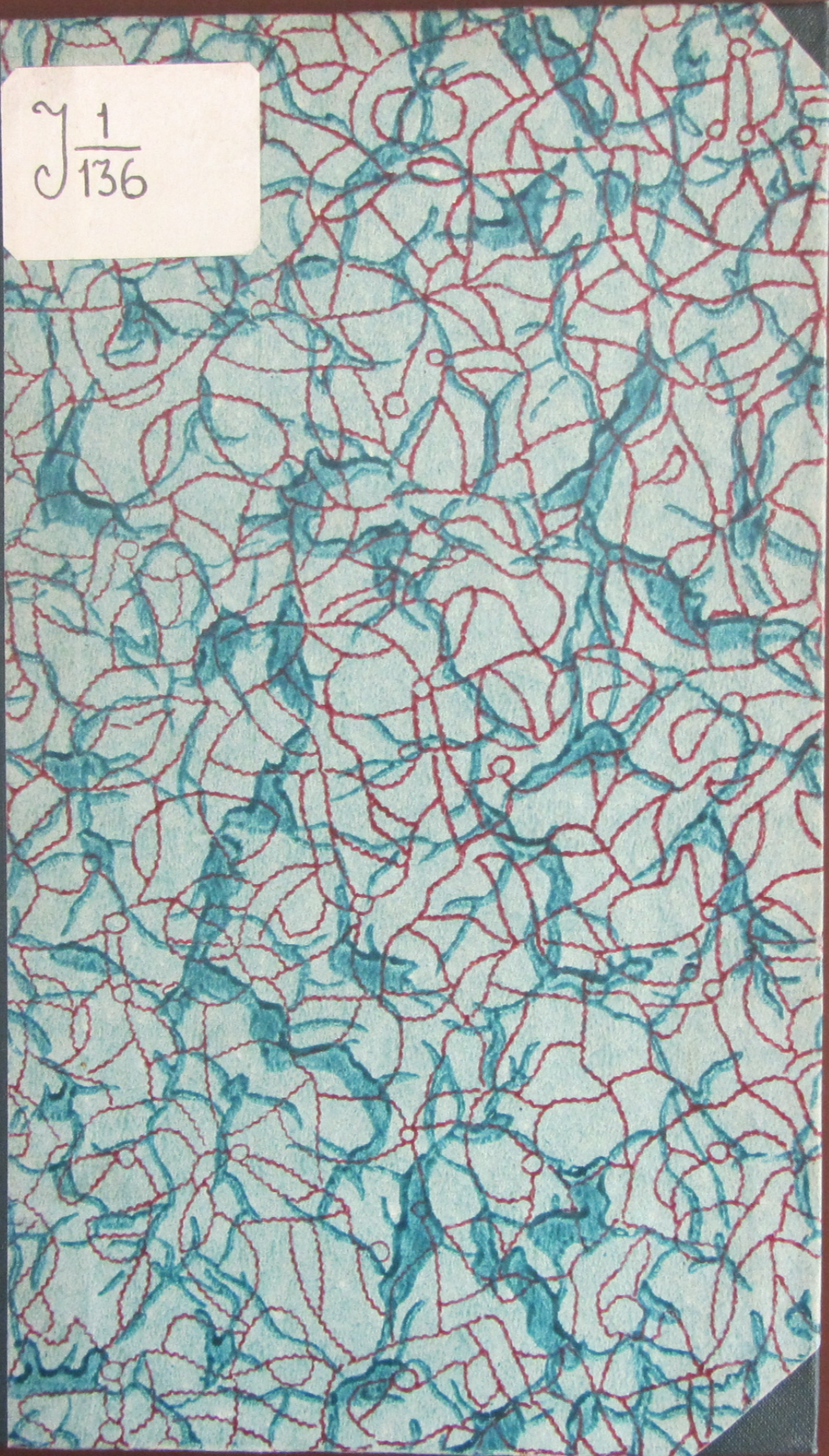

J $\frac{1}{136}$

ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСѢЙ ЕВДОКИМОВИЧЪ
РУМЯНЦЕВЪ.

5-го ноября прошедшаго 1871 года скончался на 86-мъ году отъ рожденія протоіерей Московской, Вознесенской, на Гороховомъ полѣ, церкви Алексѣй Евдокимовичъ Румянцевъ. Близкія отношенія покойнаго къ преосвященному митрополиту Платону, рассказы его о 1812 годѣ, долготнее разнообразное служеніе его въ санѣ священника ^(а) заслуживаютъ вниманія.

Протоіерей Алексѣй Евдокимовичъ Румянцевъ родился въ 1786 году ^(б) въ подмосковномъ селѣ Щитниковѣ (въ 9-ти в. отъ Москвы, по Стромьнкѣ), гдѣ родители и дѣдъ его были священниками. И теперь небогатое, съ деревянною церковію, въ концѣ прошедшаго столѣтія с. Щитниково состояло изъ двухъ или трехъ десятковъ крестьянскихъ домовъ. А. Е. Румянцевъ помнилъ и рассказывалъ, какъ родители его въ сѣромъ армякѣ и лаптяхъ ^(в) хаживалъ съ требами къ прихожанамъ, а рясу имѣлъ только одну и то не для Щитникова, а бралъ ее съ собою въ Москву, когда нужно было явиться къ

(а) Покойный о. протоіерей священствовалъ 64 года, въ томъ числѣ былъ 46 лѣтъ протоіереемъ. (б) См. въ архивѣ моск. дух. консист. метрическія книги москов. у., Вохонскія десятины, дворцоваго села Щитникова за 1786 г. запись № 1. (в) Послѣ моровой язвы (бывшей въ Москвѣ въ 1771 г.), на другой или третій годъ родители его купилъ себѣ сапоги, — рассказывалъ о. протоіерей; прихожане узнали объ этомъ, пришли къ нему въ домъ и просили показать диковинную вещь: долго разсматривали и послѣ, когда онъ шелъ въ сапогахъ въ церковь, останавливались и смотрѣли не на него, а на сапоги.

архіерею. Впрочемъ до митрополита Платона не въ бѣдныхъ только, но и въ богатыхъ селахъ священники хаживали въ лаптяхъ и безъ рясы.

Послѣ первоначальнаго обученія чтенію и письму въ домѣ родителя, Алексѣй Румянцевъ, 1795 года января 8 дня, на 10-мъ году отъ рожденія былъ отданъ для дальнѣйшаго образованія въ Перервинскую семинарію; здѣсь, въ теченіе семилѣтняго пребыванія онъ, послѣ низшихъ наукъ, обучался риторикѣ, поэзіи и катихизису; здѣсь же, быть можетъ, и кончилось бы его образованіе, но приснопамятный митрополитъ московскій Платонъ открылъ въ 1800 г. (августа 6 дня) семинарію Виѣанскую; ему хотѣлось имѣть въ своей семинаріи учениковъ лучшихъ, — и А. Румянцевъ, какъ одинъ изъ лучшихъ перервинскихъ учениковъ, взятъ былъ въ Виѣанію въ 1802 году прямо на философскій курсъ. Въ школѣ Платона не было ни страха, ни скуки: новый школьникъ находилъ въ ней и новаго отца и новыхъ братьевъ. Платонъ бывалъ въ семинаріи ежедневно: посѣщалъ классы, спрашивалъ, объяснялъ, поощрялъ учениковъ, заходилъ въ столовую, назначалъ отдыхъ, смотрѣлъ на игры и увеселенія своихъ питомцевъ; въ часы досуга онъ приходилъ иногда лѣтомъ на переходы^(а); сюда собирались къ нему начальники и наставники; начиналась ученая бесѣда; ученики сбѣгались подъ переходы — послушать, о чемъ будетъ говорить владыка. Платонъ зналъ, что его слушаютъ не на переходахъ только, но и подъ переходами, — и старался говорить, сколько возможно, громче. А. Румянцевъ скоро сроднился съ Виѣаніею такъ, что даже и дома гостить не хотѣлось: по крайней мѣрѣ, на вакаціи онъ всегда являлся туда къ 6-му августа, храмовому виѣанскому празднику и тамъ оставался до начала ученія (1-го сентября). Не за одни успѣхи въ наукахъ, но и за другія достоинства А. Румянцевъ былъ любимъ начальствомъ семинаріи. Такъ владыка Платонъ особенно любилъ его за хорошій голосъ; ректоръ Гедеонъ — за хорошій почеркъ письма, почему всегда заставлялъ его переписывать свои проповѣди; префектъ Евгеній (въ послѣд-

(а) Такъ ученики называли крытую галерею, находившуюся съ лицевой стороны, вѣдъ всего втораго этажа нынѣшняго стараго корпуса.

ствіи архіепископъ ярославскій) за прямой, откровенный характеръ, почему всегда обращался съ нимъ, какъ съ товарищемъ. «Счастливейе того времени не было въ моей жизни», говорилъ о. протоіерей, вспоминая о своей школьной жизни. Въ архивѣ правленія виѣанской семинаріи доселѣ сохранились подлинныя вѣдомости объ учителяхъ и ученикахъ семинаріи того времени. Укажемъ на нѣкоторыя: въ вѣдомости за 1802 годъ въ «спискѣ студентовъ философіи» Алексѣй Евдокимовъ Румянцевъ показанъ обучающимся «философіи и исторіи, а также съ греческаго языка на русскій и съ російскаго на греческій переводить и говорить», при чемъ рукою префекта Гедеона противъ его имени отмѣчено: «весьма изрядно учится». Въ вѣдомостяхъ за 1804 и 1805 годы онъ значится въ спискѣ студентовъ богословія обучающимся «богословію и исторіи», — при чемъ объ успѣхахъ его рукою ректора Гедеона въ 1804 г. сдѣлана отмѣтка: «отличныхъ дарованій», — а въ 1805 г.: «прилеженъ и успѣшенъ»^(а). Первый выпускъ воспитанниковъ виѣанской семинаріи послѣдовалъ не въ 1806 г. какъ бы слѣдовало, а въ 1807 г.; по распоряженію митрополита Платона богословскій курсъ продолжался три года; послѣдній годъ воспитанники исключительно были заняты чтеніемъ, изученіемъ и толкованіемъ Библии; учителю для испытанія знанія учениковъ предписано было одинъ разъ въ недѣлю спрашивать ихъ: въ какой книгѣ, въ какой главѣ находится извѣстный текстъ св. писанія. А. Румянцевъ состоялъ въ первомъ курсѣ и выпущенъ изъ семинаріи въ 1807 году.

По окончаніи семинарскаго курса очень недолго пришлось отдохнуть Алексѣю Румянцеву. Въ семинарской вѣдомости за 1807 годъ^(б) онъ уже отмѣченъ выбывшимъ изъ семинаріи и поступившимъ во священника. Обстоятельства его поступленія на мѣсто и посвященія во священника интересны^(в). Въ іюль мѣсяцъ 1807 г. сдѣлалось празднымъ священническое мѣсто въ Сергіевскомъ Посадѣ, при ближайшей къ Лаврѣ,

(а) Въ архивѣ прав. виѣ. семинаріи связка дѣлъ подъ заглавіемъ: нѣкоторыя бумаги изъ дѣлъ Прав. виѣ. семинаріи за года 1802, 1804, 1805 и 1807. (б) Тамъ же, вѣдом. 1807 г. объ учителяхъ и ученикахъ семинаріи. (в) Обстоятельства его посвященія во священника описаны нами со словъ его.

приходской церкви Ильинской. Митрополиту Платону хотѣлось замѣстить его кѣмъ-либо изъ своихъ виванскихъ питомцевъ. Префектъ Евгеній указалъ на Румянцева, и Владыка согласился. Послѣ вступленія въ бракъ и посвященія въ діакона, велѣно было прибыть Румянцеву для принятія священства въ Виванію. Митрополитъ хотѣлъ рукоположить его во священника непременно самъ. Днемъ посвященія назначено 15-е августа. Владыка служилъ въ Лаврѣ: «Лишь только произнесъ онъ слова тайнодѣйствія: «Божественная благодать всегда немощная врачующи» и проч., какъ залился слезами и оросилъ ими главу новоосвящаемого; всѣ сослужившіе и присутствовавшіе при совершеніи таинства были такъ тронуты слезами архипастыря, что сами заплакали отъ умиленія»^(а). О. Румянцевъ не могъ видѣть этихъ слезъ и не говорилъ о нихъ; но твердо помнилъ и неоднократно рассказывалъ о томъ, что было съ нимъ послѣ литургіи. «Въ то время существовалъ обычай, будемъ говорить словами покойнаго о. прот., произносить, послѣ посвященія, благодарственную рѣчь своему рукоположителю. Послѣ литургіи, когда владыка выходилъ изъ алтаря, я остановился у амвона и хотѣлъ было начать свою рѣчь, но повелѣніе: «Скажешь у меня въ домѣ», — остановило меня. Въ домѣ Владыки, кромѣ намѣстника Лавры и другихъ почетныхъ монастырскихъ братій, было нѣсколько лицъ свѣтскихъ. Какъ только вышелъ владыка изъ внутреннихъ покоевъ къ посѣтителямъ, я началъ свою рѣчь. Не помню содержания ея. Само собою разумѣется, она не могла произвести на присутствующихъ глубокаго впечатлѣнія; но не таковы были чувства архипастыря. Предъ нимъ стоялъ, его привѣтствовалъ виванскій питомецъ, первый плодъ его трудовъ, имъ самимъ рукоположенный. И вотъ, не кончилъ еще питомецъ своей рѣчи, какъ любвеобильный пастырь зарыдалъ и, обратившись къ иконѣ Спасителя, воскликнулъ: «Господи! Се первенецъ изъ вертограда моего»... Не помню, что еще онъ говорилъ въ душевномъ волненіи». Но чего не запомнилъ о. Алексѣй, то сохранилось въ памяти другихъ присутствовав-

(а) Спасо-Виванскій монастырь. С. Смирнова. Москва. 1869 г. стр. 47. 48.

шихъ при этомъ. Вотъ слова архипастыря: «Какихъ наградъ, какихъ утѣшеній сподобилъ меня Господь въ нынѣшній день! Онъ удостоилъ меня положить камень въ основаніе училища, и я дожилъ до радости видѣть изъ сего училища перваго дѣлателя въ виноградникѣ Христовомъ. Вотъ причина моихъ благодарныхъ слезъ къ моему Спасителю; порадитесь и возблагодарите Его вмѣстѣ со мною»^(б). Послѣ сего данъ приказъ намѣстнику взять новоосвященнаго за соборный столъ (торжественный лаврскій обѣдъ), а самому новоосвященному послѣ обѣда явиться въ Виванію къ вечернѣ. Приказаніе владыки было, конечно, исполнено. Тамъ, въ Виваніи, подл личнымъ наблюденіемъ архипастыря о. Алексѣй обучень былъ священнослуженію. Послѣ нѣсколькихъ дней обученія, вручая ему ставленную грамоту, владыка, преподавъ наставленіе, сказалъ: «ставленную грамоту я тебѣ дарю, смотри же, никому ничего не давай за нее».

Молодой іерей, питомецъ Платона, лучшей изъ студентовъ виванскихъ, вступилъ въ свое служеніе и чѣмъ же встрѣтила его новая жизнь? — Одними недостатками и бѣдностію. — Приходъ церкви пророка Іліи въ то время былъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ приходоу Сергіевского посада, особенно потому, что при немъ было два священника; для новопоступившаго священника дома при церкви не было; нужно было его строить; а о. Алексѣй женился на бѣдной невѣстѣ — почти безъ приданаго. Чѣмъ было жить при бѣдномъ приходѣ и гдѣ было взять денегъ на постройку дома? Въ этомъ затрудненіи помогъ своему питомцу владыка Платонъ. На Корбухѣ (урочище въ двухъ верстахъ отъ Лавры), гдѣ въ лѣтнее время Платонъ любилъ прогуливаться и бесѣдовать съ учеными, гдѣ въ присутствіи его семинаристы упражнялись въ гимнастикѣ и представляли драматическія сцены духовнаго содержания, было нѣсколько построекъ; одинъ изъ флигелей оказался ненужнымъ; владыка приказалъ эконому лавры этотъ флигель отдать о. Алексѣю за дешевую цѣну, съ разрочкою платежа, и даже перевезти его на лаврскихъ лошадяхъ. Домъ перевезень, поставлень, и молодой іерей утѣшенъ. «Мнѣ у

(а) Тамъ же стр. 48.

Ильи пророка, говаривалъ о. Алексѣй, приходило рублей 200 ассигнац. Жить было трудно, только и утѣшала меня тамъ любовь владыки, который всегда и вездѣ оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе. Бывало, напримѣръ, въ высокаторжественные дни вмѣстѣ съ старшими братіями лавры и духовенствомъ посада являлся къ нему въ Вицеанію съ поздравленіемъ и я. Благословивъ намѣстника лавры, онъ останавливался, окидывалъ взоромъ предстоящихъ и спрашивалъ: «Гдѣ нашъ?»—Подходилъ я, получалъ благословеніе и первую чашку чаю». Здѣсь же въ лаврѣ о. Алексѣй познакомился съ учителемъ Троицкой семинаріи Василиемъ Михайловичемъ Дроздовымъ, впоследствии митрополитомъ Филаретомъ. «Бывало, рассказывалъ о. Алексѣй, послѣ каждой его проповѣди въ лаврѣ, или самъ онъ звалъ меня къ себѣ на чай, или я самъ заходилъ безъ зову. Бывалъ я у него и запросто и много разъ слышалъ его игру на гусяхъ».

Не долго служилъ при Ильинской церкви о. Алексѣй. Въ 1811 году, по ходатайству преосвященнаго Августина (митрополиту Платону не хотѣлось отпустить его отъ себя—изъ посада), онъ переведенъ былъ къ Московской Успенской, на Крутицахъ, церкви. Здѣсь средства къ жизни значительно увеличились; но насталъ бѣдственный 1812 годъ, —кто изъ москвичей не испыталъ горя въ томъ году? «Тяжелое то было время, говаривалъ о. Алексѣй, много горя мы видѣли тогда; но только тѣмъ себя и утѣшали, что то горе было общее». Много рассказывалъ и любилъ рассказывать о событіяхъ 1812 года покойный о. протоіерей; но одни изъ его рассказовъ относятся къ происшествіямъ общеизвѣстнымъ, изъ другихъ передадимъ только то, что хорошо помнимъ и что касается лично его ^(а).

1-го сентября (1812 г.), въ воскресенье вечеромъ стоялъ о. Алексѣй съ начальникомъ крутицкихъ казармъ на берегу Москвы рѣки и слушалъ его рассказы о дѣлахъ военныхъ; подѣзжаетъ курьеръ и объявляетъ приказаніе главнокоман-

(а) Рассказы покойнаго прот. послѣ того, какъ были воспроизведены и записаны нами, были прочитаны въ кругу родныхъ и ицѣ хорошо его знавшихъ.

дующаго выѣзжать изъ Москвы. «Ну, батюшка, прощайте! Спасайтесь!» сказалъ собесѣдникъ и оставилъ его. Встревоженный печальнымъ извѣстіемъ, о. Алексѣй побѣжалъ домой къ своей женѣ, рассказалъ, что слышалъ, велѣлъ собираться, сходилъ за причетниками (діакона не было) и пошелъ въ церковь убирать церковную утварь. Ждать предписаній начальства было некогда, да ихъ и не было. У нихъ въ нижней церкви, на печи, оказалось довольно большое углубленіе: тамъ сложили они всѣ лучшія церковныя вещи, засыпали мусоромъ, помолились Богу, простились и ушли. Отецъ Алексѣй въ то время жилъ на наемной квартирѣ; домъ предмѣстника священника еще не былъ имъ купленъ; спрятавъ кое-что изъ домашнихъ принадлежностей у одного изъ прихожанъ (Луговскаго), а самое необходимое взявъ съ собою, онъ съ узлами на плечахъ, съ груднымъ младенцемъ—сыномъ на рукахъ, съ женой, которая вела за руку другаго четырехлѣтняго сына (Василія), 2-го сентября утромъ оставилъ Москву. Тяжелая ноша была на немъ; часто нужно было останавливаться и послѣ краткаго отдыха торопиться дальше; найти подводу тогда не было возможности ни за какую цѣну; ѣхали только тѣ, которые имѣли своихъ лошадей. Они вышли на Коломенку. Страшная картина представилась здѣсь ихъ взорамъ! Толпы народа буквально заграждали путь; шли, ѣхали, бѣжали; стонали, плакали, кричали; одинъ отсталъ отъ семьи, другой потерялъ дѣтей; тотъ выбился изъ силъ подъ тяжелой ношей; иной полубольной останавливался на дорогѣ, не имѣя силъ продолжать путь; въ одной группѣ тосковали о родномъ городѣ, родномъ кровѣ, объ оставленномъ имуществѣ; въ другой плакали, потому что не имѣли куска хлѣба. Путь свой о. Алексѣй направилъ къ селу Котельникамъ, неподалеку отъ Николо-Угрѣшскаго монастыря (въ 15 в. отъ Москвы), гдѣ былъ священникомъ родной братъ его Феодоръ. Но подмосковное село было небезопаснѣе Москвы; непріатели, занявъ городъ, разѣзжали по окрестностямъ его; бѣглецамъ пришлось жить въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ; нужно было перекочевывать чуть не каждый день, чтобы не попасть въ руки непріателей; но сколько ни бѣгали, какъ ни укрывались, не избѣжали ихъ. Неподалеку отъ Котельниковъ, въ лѣсу на-

палъ на нихъ отрядъ непріятелей, человекъ въ 10 или 15; все что было взято изъ Москвы отнято, такъ что о. Алексѣй остался рѣшительно безо всего. Не было приличной одежды, и онъ ходилъ въ сѣромъ крестьянскомъ армякѣ; не было хлѣба, и онъ просилъ его Христа ради, да часто и просить-то было не у кого, почему и нужно было иногда довольствоваться однимъ только картофелемъ, или горохомъ, и даже капустой; умеръ грудной младенецъ-сынъ, и о. Алексѣй самъ сколачивалъ ему гробъ, самъ рылъ могилу, и похоронилъ въ лѣсу, не совершивъ надъ нимъ церковнаго отпѣванія; да тогда вблизи Москвы не младенцевъ только, но и возрастныхъ было отпѣвать некому; священники подмосковныхъ селъ, также какъ и московскіе, заперли церкви и скрылись. Въ какой-то деревнѣ пріютила его съ семьей добрая женщина-крестьянка; она напоила его съ семьей, накормила и оставила ночевать; у ней въ домѣ находилось до 20 чужихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, — это были дѣти, оставшія отъ своихъ родителей, дѣти заблудившіяся въ лѣсу, сироты и т. п., которыхъ всѣхъ она поила и кормила; долго ли прожили дѣти у ней и что случилось съ ними послѣ непріятели, о. Алексѣй не зналъ. Въ с. Котельникахъ въ нѣкоторый праздникъ собралось человекъ десять священниковъ, пошли въ церковь, начали служить молебенъ объ избавленіи отъ непріятели; но крикъ какой-то женщины: «Французъ! Французъ!» всѣхъ перепугалъ, и всѣ разбѣжались; такъ молебенъ и остался не оконченнымъ. Терпѣть голодъ и холодъ, видѣть слезы жены, слышать плачь ребенка-сына, смотрѣть на пламя пожирающее родной городъ, не звать, когда и чѣмъ все это кончится, какое грустное, безотрадное положеніе!

Во время пребыванія непріятели, однажды о. Алексѣй приходилъ въ Москву, отчасти изъ любопытства, а болѣе за солью; съ нимъ былъ родной братъ его котельническій священникъ Теодоръ. «Дошли мы съ нимъ до Солянки, рассказывалъ покойный о. протоіерей, все выгорѣло, а погреба еще тлѣлись; соли нигдѣ не нашли, а вмѣсто ея набрали себѣ соленой рыбы въ погребахъ, набрали столько, сколько было силъ донести; чтобы нейти большими улицами, мы поворотили съ Солянки къ Москвѣ рѣкѣ и хотѣли пробраться домой берегомъ рѣ-

ки, сначала шли благополучно; попадались французы, но насъ не трогали; такъ дошли до набережной, что противъ Воспитательнаго дома; здѣсь остановились, посмотрѣли на кремль и хотѣли было идти домой; но смотримъ, отъ Кремля, по набережной, мчатся на коняхъ два непріятели; поровнявшись съ нами, они остановились, остановились и мы, — бѣжать было поздно; — я былъ въ крестьянскомъ сѣромъ армякѣ, а братъ въ священническомъ суконномъ полукафтанѣ; непріятели велѣли намъ развязать мѣшки; мы развязали, они посмотрѣли и плюнули; послѣ сего стали требовать денегъ и требовали больше отъ брата, такъ какъ онъ одѣтъ былъ лучше меня; денегъ у насъ не было, непріятели сердились и кричали; мы стояли какъ приговоренные къ смерти. Вотъ одинъ изъ нихъ беретъ за саблю, грозитъ, — мы кланяемся: вижу взмахъ сабли.... непріятели ускакали, а братъ упалъ къ моимъ ногамъ, смотрю — лицо и голова у него въ крови; поднялъ я его, повелъ къ рѣкѣ и сталъ промывать рану; вижу — подѣзжаетъ новый непріятель; остановился онъ, посмотрѣлъ на меня, указалъ на лошадиный пометъ, сдѣлалъ знакъ, что нужно приложить его къ ранѣ, и уѣхалъ; въ свѣтъ его я дурнаго ничего не находилъ и его исполнилъ; кровь остановилась, рана оказалась не смертельною; ударъ былъ по головѣ, но черепъ не поврежденъ, только сѣзана выше уха одна кожа съ волосами; обвязавши ему голову, и потихоньку повелъ его къ Покровской заставѣ, взявъ съ собою и одинъ мѣшокъ съ рыбой. За заставой насъ встрѣтили новые непріятели, заставляли было меня рыть картофель, но просьбы и слезы брата убѣдили ихъ отпустить меня; тутъ же за заставой бродило много лошадей, неизвѣстно кому принадлежащихъ; одинъ изъ непріятелей поймалъ лошадь и отдалъ мнѣ. Я положилъ на нее мѣшокъ съ рыбой и вмѣстѣ съ братомъ отправился въ Котельники».

Бѣдственная жизнь о. Алексѣя внѣ Москвы продолжалась около полутора мѣсяца ^(а). Когда жить близъ Москвы, въ виду непріятели, за недостаткомъ продовольствія, сдѣлалось

(а) Непріатель вступилъ въ Москву 2 сентября, вышелъ изъ нея 11 октября. О. Алексѣй возвратился въ Москву около 15 октября.

невозможно, а притомъ мало оставалось и надежды на скорое освобожденіе города, онъ съ семьей отправился на Аристовъ погостъ въ 15 вер. отъ г. Богородска; тамъ одинъ изъ причетниковъ былъ ему родственникъ; поживъ у него несколько времени, онъ пошелъ далѣе на сѣверъ на Стромьнку; въ то время, какъ былъ въ Москвѣ взрывъ Кремля, онъ былъ уже въ Щитняковѣ у своего родителя. Здѣсь несмотря на 9-ти верстное разстояніе отъ Москвы, хорошо были слышны страшные удары взрыва. 11 октября непріатели оставили Москву; о. Алексѣй узналъ объ этомъ скоро, и скоро возвратился въ нее, но возвратился къ новымъ тяжкимъ трудамъ и скорбямъ. Жить и совершать богослуженіе было негдѣ; кругомъ церкви дома все выгорѣло; верхняя церковь во имя Успенія Богоматери вся выгорѣла, кровля на ней сгорѣла, а нижняя во имя св. ап. Петра и Павла—хотя отъ пожара и уцѣлѣла, но въ ней было все въ беспорядкѣ и все расхищено; увесено даже и то, что было спрятано на печи; уцѣлѣло только большое напрестольное евангеліе въ серебряномъ окладѣ и ставленая грамота о. Алексѣя, сохранилось даже стекло въ рамѣ, въ которую она была вставлена, несмотря на то, что найдена послѣ непріателя на полу, при входѣ въ церковь, въ грудѣ мусора. Осмотрѣвши церковь, о. Алексѣй пошелъ искать себѣ пріюта, но пріюта не было,—подвальный этажъ какого-то обгорѣлаго дома пріютилъ его на первое время вмѣстѣ съ другими 20-ю или 30-ю семействами. Такъ бѣдственно было положеніе москвичей послѣ наполеоновскаго нашествія. Въ послѣдствіи, съ дозволенія преосвященнаго Августина, онъ отдѣлалъ для своего жилья, на собственный счетъ, палатку при церкви; въ этой палаткѣ и прожилъ все время своего служенія на Крутицахъ ^(а).

Нижняя церковь, какъ негорѣвшая, освящена о. Алексѣемъ векорѣ по возвращеніи въ Москву преосвящ. Августина ^(а). Освятивъ церковь, устроивъ себѣ жилище, онъ въ мирѣ за-

(а) Домъ предмѣстника священника во время нашествія непріателя сгорѣлъ. А. Ев—чъ, на мѣстѣ сгорѣвшаго, построить новый домъ средствъ не имѣлъ. (б) Верхняя оставалась безъ освященія до 17 мая 1823 года.

нялся обязанностями своего служенія. Изъ рассказовъ его за это время извѣстно, что онъ векорѣ по возвращеніи своемъ въ Москву, присутствовалъ при погребеніи Сорокосвятскаго священника, убіеннаго Французами ^(а); а потомъ, по возобновленіи Архангельскаго собора участвовалъ въ крестномъ ходѣ, при перенесеніи мощей св. царевича Дмитрія изъ Вознесенскаго монастыря въ Архангельскій соборъ, даже несъ св. мощи и видѣлъ власы св. царевича ^(б). Изъ послужнаго списка о. Алексѣя видно, что онъ въ это время преподавалъ катихизисъ своего сочиненія,—проходилъ должность увѣщателя въ Таганской части и проходилъ не безплодно: въ томъ же спискѣ значится, что въ этой части имъ приведенъ къ сознанию дѣлатель фальшивой монеты. Здѣсь же на Крутицахъ, въ 1816 году, по распоряженію епархіальнаго начальства, онъ свидѣтельствовалъ останки одного изъ погребенныхъ тамъ архіереевъ ^(в). Извѣстный археологъ Ив. М. Снегиревъ въ Русской Старинѣ пишетъ: «До 1816 г. изъ стѣннаго окошечка (въ усыпальницѣ, подъ церковію Крутицкаго архіерейскаго дома) можно было видѣть открытую гробницу

(а) Сорокосвятскій священникъ Петръ Святославскій изрубленъ Французами близъ западныхъ дверей своего храма; русскіе похоронили его, но похоронили безъ отпѣванія; по выходѣ непріателя онъ былъ вынутъ изъ земли, отпѣтъ и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. (б) Въ журналѣ Москов. Попечит. о бѣдныхъ духовнаго званія 1824 г. іюля 5-го дня значится: «Московского Вознесенскаго монастыря священникъ Иванъ Яковлевъ, при разграбленіи въ 1812 г. непріателемъ Московскаго Архангельскаго собора, спасъ нетлѣнныя мощи св. вѣговѣрнаго князя Дмитрія, перенесъ оныя въ дѣвичій Вознесенскій монастырь въ виду непріателя, за что столько былъ отъ него мучимъ, что въ томъ же году умеръ. За каковую услугу женѣ священника вдовѣ по указамъ святѣйшаго Синода выдано на вспоможеніе сперва 160 руб., а потомъ 800 руб.; сверхъ сего по Высочайшему повелѣнію 1000 руб.» (в) Въ 1261 г. для христіанъ, жившихъ въ приволжскомъ городѣ Сарай, столицѣ ханской, учреждена особая епархія подъ именемъ Сарайской. Ея епископы сначала именовались сарайскими, а потомъ, съ расширеніемъ предѣловъ епархій, Сарскими и Подонскими. Съ XV вѣка они жили въ Москвѣ на Крутицахъ (съ прежнимъ наименованіемъ), гдѣ и оставались до самаго уничтоженія ихъ епархій въ 1788 году. Умиравшіе на Крутицахъ архіереи тутъ же на Крутицахъ и погребались.

епископа Сарскаго и Подонскаго Иларіона, къ коей тогда стекался народъ; но оно заложено ^(а). Обстоятельства этого дѣла интересны, но они, вѣроятно, не были извѣстны г. Снегиреву, почему и не вошли въ его разсказъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ приходскій священникъ о. Румянцевъ. Мы неоднократно слышали разсказъ о семъ покойнаго, а въ настоящее время имѣемъ въ рукахъ и формальное показаніе его митрополиту Филарету, писанное его рукою 1861 года. Въ этомъ году въ Москвѣ распространилась молва объ открытіи, на Крутицахъ, мощей вѣскога Θεодора; народъ сбѣгался туда толпами. Было донесено объ этомъ митрополиту Филарету; онъ самъ производилъ изслѣдованіе. Владыкѣ сказали, что это случай не первый тамъ, что живъ еще человекъ, именно о. Алексѣй, который свидѣтельствовалъ мощи одного изъ погребенныхъ тамъ архіереевъ. О. Алексѣй вызванъ къ митрополиту, разсказалъ все подробности произведеннаго имъ освидѣтельствованія, и дѣло о мощахъ Θεодора прекратилось. Передаемъ здѣсь съ буквальной точностію письменное показаніе объ этомъ о. Алексѣя митрополиту Филарету: «1816 года іюня 29 дня, во время бытія моего священникомъ при Успенской, что на Крутицахъ, церкви, къ вечеру, когда я съ причтомъ по случаю храмоваго праздника св. апостоль Петра и Павла ходилъ со святынею въ деревнѣ Дубровкахъ, на пустопорожней, около Крутицкихъ казармъ, землѣ, собралось множество народа, и изъ любопытства нѣкоторые влѣзали окошечкомъ въ склепъ подъ бывшею архіерейскою домовою церковію и разглашали, что тамъ есть какія то святая мощи. Пришедши съ причтомъ домой уже вечеромъ и услышавъ такіе разсказы, немедля пошелъ я къ о. благочинному Николаевскому, на Ямахъ, протоіерею Петру Платонову и донесъ о семъ; думали ѣхать съ донесеніемъ къ бывшему тогда архіепископомъ московскимъ Августину, впрочемъ, какъ это уже было поздно, отложили сіе до утра. Поутру явились къ преосвященнѣйшему и объяснили сіе происшествіе на словахъ, а онъ приказалъ объ-

(а) Русская Старина. Текстъ И. М. Снегирева. Годъ 1, изд. 3. Москва. 1852, стр. 58.

яснить все то на бумагѣ, что нами и исполнено. Пришедъ отъ него домой, я засталъ на мѣстѣ опять много народа и многіе туда влѣзали. Я опять возвратился къ преосвященнѣйшему съ объясненіемъ бывшаго; тогда-то онъ приказалъ мнѣ, взявши съ собою причетниковъ, поаккуратнѣе освидѣтельствовать, что тамъ. Мы въ самую полночь, помолясь, пошли къ тому мѣсту, и пономарь, бывший не великъ ростомъ, влѣзъ окошечкомъ въ склепъ, увидѣлъ на стѣнѣ вырѣзанную надпись, изъ коей оказалось, что похороненъ тамъ преосвященный епископъ Иларіонъ ^(а); увидѣлъ также, что плита положенная надъ гробомъ была уже на-двое переломлена и нѣсколько поднята. Полѣзъ было и я въ окошечко, но въ самый ѣклепъ прошли только голова моя и плечи. Въ виду моемъ пономарь, нѣсколько отворотивъ надломленную уже у гроба боковую доску, увидѣлъ наклонившуюся уже на грудь митру, и дотрогивался, сколько можно было, до костей, которыя оказались сухими. Опрятавъ все сіе съ раченіемъ, оттуда вылѣзли; о чемъ я на утро же и донесъ обстоятельно преосвященнѣйшему, который въ то же время и писалъ къ оберъ-полицеймейстеру, чтобы приказалъ означенное окно заложить, что немедленно и было сдѣлано. По возвращеніи домой къ вечеру я увидѣлъ окно опять открытымъ, и все тотъ же народъ и такая же молва. Я опять ко владыкѣ, и послѣ этого-то уже заложено было окно и такъ крѣпко, что въ мою бытность происшествіе не повторялось».

О. Алексѣй служилъ при Успенской, на Крутицахъ, церкви 14 лѣтъ. Своимъ благоговѣйнымъ служеніемъ, проповѣдничествомъ, сановитостію (разумѣемъ высокой ростъ, крѣпкое сложеніе, черную большую бороду и сильный пріятный голосъ) онъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ; его знали и уважали даже раскольники и единовѣрцы. Въ 1825 году протоіерей троицкой единовѣрческой церкви Полубенскій, по старости лѣтъ, уволенъ отъ службы; староста тамошней

(а) Надгробная надпись сія въ Русской Старинѣ приведена вполне. Изъ нея видно, что епископъ Иларіонъ родился въ 1696 г. обучался въ кіевской академіи, постриженъ въ монашество въ 1721 г. въ Кіевѣ, посвященъ въ епископа крутицкой епархіи 1748 г. мая 28 д.; скончался 1759 г. декабря 3 дня.

церкви Сарачевъ, вмѣстѣ съ другими почетными прихожанами, пріѣхалъ на Крутицы и уговорилъ о. Алексѣя перейти къ нимъ. Архипастырѣ московскій Филаретъ, давно знавшій избираемаго, съ удовольствіемъ утвердилъ избраніе. На прошеніе прихожанъ о перемѣщеніи его резолюція послѣдовала такая: «перевести со старшинствомъ предъ священникомъ Павломъ». Благословляя его на новое служеніе, владыка заповѣдалъ ему служить по уставу, вести себя осторожно, быть съ нимъ откровеннымъ, доносить подробно о всемъ происходящемъ у единовѣрцевъ и, если будетъ нужно, пріѣзжать къ нему во всякое время дня и ночи. О. Алексѣй принялъ съ благоговѣніемъ наставленіе архипастыря и, сколько возможно, старался выполнять его. Владыка это видѣлъ и былъ къ нему внимателенъ. Черезъ четыре мѣсяца, послѣ перемѣщенія, онъ произвелъ его въ протоіерея. Случай къ сему представился слѣдующій: о. Алексѣй просилъ выдать новый антиминсъ въ новую каменную Введенскую церковь. Резолюція на прошеніе его послѣдовала 1825 г. Окт. 16 дня: «На основаніи четвертаго пункта о единовѣрческихъ церквяхъ единовѣрческій священникъ имѣетъ представить для сего книгу». Книга съ чиномъ освященія антиминса представлена; 26 ок. въ Чудовѣ монастырѣ послѣдовало освященіе антиминса. На томъ же прошеніи внизу владыка 28 окт. написалъ: «Антиминсъ освященъ 26 октября; при чемъ священникъ произведенъ въ протоіерея. Ему поручается освященіе церкви. А на званіе представить грамоту»^(а). 27 окт. новый протоіерей пріѣхалъ благодарить владыку за архипастырскую милость. Владыка спросилъ: «довольны ли прихожане, что я произвелъ тебя въ протоіерея?»—Довольны, владыко святой, и благодарятъ васъ, отвѣчалъ онъ. «Скажи имъ, что я произвелъ тебя въ протоіерея не изъ почтенія къ нимъ, но въ уваженіе твоихъ прежнихъ заслугъ». Прошелъ послѣ сего годъ и, по ходатайству владыки, недавній протоіерей за ревностную и усердную службу награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею (1826 г. окт. 9 дня). Вскорѣ послѣ сего онъ утвержденъ надзирателемъ единовѣрческой типографіи (1831 г. іюля 29 дня).

(а) Въ архивѣ моск. дух. консистор. дѣла 1825 г. № 64.

Не многіе изъ московскихъ протоіереевъ того времени пользовались такимъ вниманіемъ архипастыря. Бывало, рассказывалъ покойный протоіерей, послѣ каждаго пріѣзда владыки изъ Петербурга являлись къ нему все благочинные, являлся вмѣстѣ съ ними и я, какъ благочинный единовѣрческихъ церквей. Выслушавъ донесенія о благосостояніи церквей отъ другихъ благочинныхъ, онъ обращался ко мнѣ и спрашивалъ: «Ну! какъ у васъ о. протоіерей?»—И такъ, и сякъ, ваше высокопреосвященство. — «Вотъ отцы святіи, — онъ всегда такъ мнѣ отвѣчаетъ. Останься; расскажешь подробности». Я оставался, рассказывалъ ему откровенно и рассказывалъ многое. Случалось мнѣ бывать у него съ донесеніями и равнымъ утромъ и позднимъ вечеромъ. Такъ прошли первые годы его служенія у единовѣрцевъ; Господь помогъ ему въ эти годы присоединить изъ раскола къ единовѣрцію до 50-ти человекъ^(а). Но чья жизнь прошла безъ испытанія и скорбей? Не избѣжалъ сего и о. Алексѣй. Здѣсь же при единовѣрческой церкви начались и его скорби.

Избравши о. Алексѣя къ себѣ во священника, прихожане хотѣли видѣть въ немъ точнаго исполнителя всехъ своихъ, иногда не вполне справедливыхъ желаній; требовали, напр., чтобы всякое праздничное всенощное бдѣніе продолжалось непременно шесть часовъ. О. Алексѣй старался исполнять ихъ желанія, но не было никакой возможности исполнить ихъ всегда точно, и вотъ явились недовольные. Начались жалобы. Владыка былъ на сторонѣ о. протоіерея; жаловались ему въ Москвѣ, жалобы вносились въ Петербургъ къ нему, когда онъ бывалъ тамъ; однажды единовѣрцы пожаловались, что ихъ протоіерей не допускаетъ, или, что вѣрнѣе, не охотно допускаетъ до служенія въ своей церкви пріѣзжающихъ въ Москву за сборомъ архимаидритовъ и іероманасовъ единовѣрческихъ монастырей. Владыка узналъ объ этомъ въ Петербургѣ и оттуда писалъ своему викарію преосвященному Иннокентію: «Единовѣрческіе монахи не хорошо дѣлаютъ, что бродятъ. Протоіерей, думаю, опасается отъ нихъ не столько ущерба въ доходахъ, сколько толковъ. Но и сурово съ ними посту-

(а) Значится въ послужномъ его спискѣ.

пять жалъ.»^(а) Это было въ 1827 году.—Въ 1830-мъ году умерла жена о. протоіерея^(б). Покойная просила своего мужа отпѣть ее въ церкви православной и похоронить на Калитниковомъ кладбищѣ: завѣщаніе ея было исполнено въ точности; единовѣрцы усматривали въ этомъ презрѣніе къ ихъ храму, и число недовольныхъ увеличилось. Смерть жены, неудовольствія съ прихожанами и особенно трудная болѣзнь, значительно ослабившая силы о. Алексѣя, столь необходимая для продолжительныхъ единовѣрческихъ служеній^(в), заставили его наконецъ въ 1835 году^(г) просить владыку о перемѣщеніи на другое мѣсто. Владыка ободрялъ его, утѣшалъ, просилъ, дозволилъ, насколько возможно, сокращать всеобщія бдѣнія; но какъ просьбы учащались и проситель оставался непреклоннымъ, митрополитъ далъ слово отвести его и въ январѣ 1837 года перемѣстилъ его къ Вознесенской, на Гороховомъ полѣ, церкви. Настоятель Вознесенской церкви о. Алексѣй былъ ровно 28 лѣтъ^(д). Столь долговременное служеніе при церкви чловѣка съ твердымъ характеромъ, ревностнаго къ дѣлу и опытнаго въ жизни, конечно не могло быть безплоднымъ; но дѣятельность приходскаго пастыря, по большей части, остается незамѣтною, если не выходитъ за предѣлы прихода, церкви и семьи. Правда, въ теченіе времени служенія при Вознесенской церкви о. Алексѣя проходилъ и особенныя должности: былъ,

(а) Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1871 года, кн. 3, стр. 479.
(б) Анисья Филиповна скончалась 37 л. отъ роду; въ супружествѣ съ нимъ жила 23 года. (в) Въ клировой вѣдомости, въ статьѣ: «изъ ученыхъ кто сколько проповѣдей говорилъ?» отмѣчено объ о. Алексѣѣ: «за чрезмѣрною продолжительностію службы, а особенно потому, что прихожане не принимаютъ изустныхъ поученій, проповѣдей не говорилъ, а вмѣсто оныхъ на утреннихъ и всеобщихъ бдѣніяхъ читалъ толковое поученіе изъ Евангелія и Пролога». Справка при дѣлѣ о переведеніи его къ Вознесенской цер. Арх. м. дух. кон. (г) Вотъ болѣе почетные прихожане Троицкой Единовѣрческой церкви 1835 года. Сарачевъ жилъ въ приходѣ Архидіакона Стефана, Шелапутинъ—у Сергія, въ Рогожской, Лобковъ—у Николы, на Щенахъ, Хухлинъ—у Спаса, на Болвановкѣ, Хомутовъ—у Никиты муч. въ Басманной, Горшковъ—въ Красномъ селѣ. (д) 24-го января 1837 г. онъ переведенъ къ Вознесенской церкви; 24-го января 1865 г. остался за штатомъ.

напримѣръ, увѣщателемъ въ Лефортовскомъ частномъ домѣ съ 1838 г., былъ духовникомъ духовенства своего благочинническаго округа съ 1847 по 1869 годъ, но эти обязанности немного отвлекали его отъ исполненія прямыхъ обязанностей по приходу. Въ храмѣ служилъ протоіерей Румянцевъ ревностно, благоговѣнно, почти ежедневно и довольно продолжительно; праздничное, напримѣръ, всеобщее бдѣніе при немъ продолжалась болѣе двухъ часовъ; зимой всеобщихъ бдѣній онъ не допускалъ, а служилъ утрени, начиная ихъ одновременно съ монастырями. Утреннее правило обыкновенно вычитывалъ до благовѣста, наизусть, при свѣтѣ лампы; вычитавши правило, если наступало время благовѣста, а причетникъ не являлся за благословеніемъ къ благовѣсту, онъ иногда выходилъ на крыльцо и нѣсколько разъ кашлялъ, чѣмъ давалъ знать церковному сторожу разбудить причетника; бдѣніе церковное любилъ тихое; діаконовъ—не громогласныхъ. Безпорядковъ въ храмѣ не могъ терпѣть равнодушно и если когда что-либо замѣчалъ за кѣмъ, строго выговаривалъ, не обращая вниманія на то, кто былъ нарушитель благочинія—членъ ли причта, почетный ли прихожанинъ, или посторонній (не своего прихода) богомолецъ, но такимъ строгимъ онъ являлся только въ храмѣ и на службѣ, внѣ же храма и особенно въ своемъ домѣ былъ снисходителемъ, привѣтливъ и ласковъ; вспыльчивость, за которую въ некоторые осуждали его, проявлялась въ немъ вълѣдствіе его особенной ревности къ точному исполненію своихъ обязанностей; притомъ она проявлялась ненадолго; стоило только возбуждавшему ее извиниться, онъ тотчасъ все прощалъ и прежняя его привѣтливость возвращалась. Вообще онъ имѣлъ характеръ твердый, прямой, откровенный, лстить не умѣлъ. правду не боялся сказать въ глаза кому бы то ни было; рѣзкія замѣчанія его приходилось выслушивать и членамъ причта и прихожанамъ, но при всемъ томъ его любили и уважали какъ тѣ, такъ и другіе. Кругъ его знакомства ограничивался одними ближайшими родными, да и къ нимъ онъ выѣзжалъ рѣдко, почему его почти всегда можно было застать дома. Въ семейной жизни^(а) онъ отличался простотою и бе-

(а) Протоіерей Румянцевъ имѣлъ одного только сына, который былъ діакономъ при московской Николо-Толмачевской церкви.

режливостію, но безъ неряшества и скудости: когда нужно и гдѣ нужно, онъ щедро благотворилъ. Въ свободное время онъ, когда имѣлъ твердое зрѣніе, любилъ читать и читалъ много, читалъ даже за чаемъ, читалъ иногда и за обѣдомъ.

Находясь при Вознесенскомъ приходѣ, вниманіемъ преосвященнаго митрополита Филарета о. Алексѣй здѣсь уже не пользовался такимъ, какимъ пользовался при церкви единавѣрческой; причиною сего было то, что онъ *ушелъ* оттуда, какъ высказывалъ нерѣдко самъ владыка (наприм. прот. Другову). Въ апрѣлѣ 1862 г. о. протоіерей былъ награжденъ бархатною фіолетовою камилавкою; въ октябрѣ того же года, по случаю исполнившагося 50-лѣтія достопамятнаго 1812 г., онъ, какъ состоявшій на службѣ въ санѣ іерея въ томъ году, былъ вызванъ для служенія съ архипастьремъ въ Успенскій соборъ^(а). Въ 1864 г., когда по старости лѣтъ, онъ рѣшился сдать свое мѣсто внуку—діакону, владыка сказалъ въ отвѣтъ на его просьбу: «послужи еще сколько-нибудь», и это говорилъ нѣсколько разъ, въ теченіи цѣлаго года, послѣ всякой новой просьбы его объ увольненіи. Въ 1865 году просьба его была исполнена, внукъ—діаконъ произведенъ во священники на его мѣсто, но при этомъ внуку—преемнику сказано архипастьремъ: «При какихъ счастливыхъ обстоятельствахъ ты вступаешь въ служеніе! Какого опытнаго ты будешь имѣть руководителя!» Владыка зналъ, что старецъ будетъ жить у внука. Въ то же время сдѣлано распоряженіе, въ утѣшеніе старца, священническую и протоіерейскую грамоты оставить при немъ и дозволено служить ему, когда пожелаетъ.

Уволенный въ заштатъ на 81-мъ году отъ рожденія, о. протоіерей Ал. Ев—чъ въ первые года былъ довольно бодръ, могъ служить, служилъ одинъ и нерѣдко; духовенство округа

Въ 1851 году сынъ его померъ, оставивъ послѣ себя шесть человѣкъ дѣтей; жена его умерла раньше его. Отецъ протоіерей былъ и опекуномъ и благодѣтелемъ своихъ внучатъ—сиротъ.

(а) Вместе съ нимъ въ 1862 году были вызваны для служенія въ соборѣ еще два московскихъ священника съ крестами на персяхъ за 1812 годъ. Это—церкви зачатія, въ углу Китай города, Александръ Васильевичъ Красовскій и церк. Саввы освященнаго на Дѣвичьемъ полѣ, Иванъ Діомидовичъ Никольскій.

просило его и въ заштатѣ остаться по прежнему на должности духовника; онъ согласился и несъ эту должность болѣе пяти лѣтъ. На 85 году, силы его замѣтно упали, особенно ослабѣло зрѣніе и одряхлѣли ноги, такъ что отъ служеній онъ сталъ уклоняться, а отъ должности духовника отказался. Прошелъ еще годъ, старецъ слабѣлъ, рѣдко выходилъ, мало говорилъ, постоянно сидѣлъ, или лежалъ; онъ, вѣроятно, думалъ объ исходѣ, думалъ о небесномъ, но совершенно неожиданно ему напомнили о земномъ. 26-го октября 1871 г. имѣло исполниться 46 лѣтъ его служенія въ протоіерейскомъ санѣ; духовенство того округа, въ которомъ онъ былъ 22 года духовникомъ, предполагало, совершивъ въ тотъ день торжественное служеніе въ храмѣ Вознесенія, принести ему поздравленіе и благожеланіе. Было получено на сіе и благословеніе архипастыря. Родственники сочли обязанностію предварительно сказать объ этомъ о. протоіерею. Сказали, и получили отвѣтъ: «Что? Когда они собираются меня хоронить-то?»—«Не хоронить васъ думаютъ, а помолиться о вашемъ здоровьѣ».—«Нѣтъ, сбিরались бы ужъ хоронить меня; а я къ нимъ не выйду». Послѣ такого рѣшительнаго отказа, духовенство оставило свое предположеніе: но вышло такъ, что должно было исполнить то, къ чему приглашалъ старецъ. На другой же день, послѣ предполагаемаго празнества, 27-го октября онъ слегъ въ постель и болѣе не вставалъ. 1-го ноября былъ напутствованъ Св. таинствами: покаянія, причащенія и елеосвященія, а 5-го и духъ свой предалъ Господу; время благовѣста къ утренней службѣ, котораго онъ, бывало, ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, было временемъ его отшествія въ вѣчный покой. 8-го ноября преосвященнымъ епископомъ дмитровскимъ Леонидомъ, который болѣе 20-ти лѣтъ зналъ покойнаго, совершена литургія и отпѣваніе его. Въ отпѣваніи участвовало все духовенство благочинническаго округа; надгробная рѣчь сказана священникомъ Успенской, на Покровкѣ, церкви о. Ілію Касицынымъ; собраніе народа, не смотря на самую неблагоприятную погоду и продолжительность отпѣванія, было чрезвычайно огромное. Въ 4 часа тѣло почившаго предано землѣ на Калитниковомъ кладбищѣ.

При торжественномъ отпѣваніи протоіерея Алексѣя Евдо-
кимовича Румянцева нельзя было не вспомнить о приснопа-
мятномъ архипастырѣ московскомъ митрополитѣ Платонѣ.
Какое знаменательное сочетаніе обстоятельствъ! Во гробѣ
лежалъ первый воспитанникъ основанной митрополитомъ
Платономъ семинаріи,—воспитанникъ, глава котораго при
хиротоніи въ іерея орошена слезами Платона. Храмъ, въ ко-
торомъ совершалось отпѣваніе, заложенъ по благословенію
митрополита Платона и освященъ самимъ Платономъ. Анти-
минь, на которомъ приносилась безкровная жертва о упо-
коеніи новопреставленнаго, священнодѣйствованъ митропо-
литомъ Платономъ. Евангеліе, по которому возвѣщались при
погребеніи глаголы живота вѣчнаго, вкладъ въ Вознесенскую
церковь, съ собственноручною подписью, митрополита Пла-
тона. Литургію и отпѣваніе совершалъ святитель, бывшій
ректоромъ основанной Платономъ Виѣвской семинаріи.

Вѣчная память въ Бозѣ почившему протоіерею Алексѣю!

Священникъ Василій Рудневъ.

(Изъ декабрьской книжки Душев. Чтенія 1872 года.)

Печатать дозволяется. Москва. Декабря 15 дня 1872 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.